

103.2004

Солженицын
АлександрМоск. комедиальный
1 марта 2004 г. — с. 10

ЭПИСТОЛЯРИЙ

К вопросу
о советских нравах,
хамстве
и прочем таком

ИЗ ПАРИЖА! ПОДЕЛУ! СРОЧНО!

КОММЕНТАРИЙ

Не станем заострять внимание на едва скрытой угрозе (и шантаже), содержащейся в постскрипту. Во-первых, потому что к угрозам мы привыкли. Кроме того, недавно полученное нами письмо от г-жи Гинзбург датировано 1 октября прошлого года. Следовательно, за минувшие с той поры месяцы никто не захотел его публиковать — даже с упоминанием о том, что изначально оно было предназначено именно "МК". С чего бы это?

Так что оставим в стороне угрозу (и шантаж). К тому же не исключено, что мы чего-то не так поняли. Обратимся к сути.

Я тоже хорошо помню "газетные нравы советских времен". Комический эффект письма г-жи Гинзбург состоит в том, что она удивительным образом напоминает заказанные агитпропом отповеди всевозможным "отщепенцам" и "клеветникам". Эти отповеди никогда не снисходили до спора с инакомыслием по существу, подменяя его ярлыками ("антисоветчик", "литературный власовец" и т. п.) и "аргументами" типа: "Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, и даже в области балета мы впереди планеты всей".

быть одним из распорядителей Фонда. Фонд продолжает свою работу и сегодня, он регулярно помогает нескольким тысячам преступных и беспомощных бывших заключенных (часто еще сталинских концлагерей).

Не знаю уж, на каком основании ваш "образованец" утверждает, что Солженицын "скромность никогда не отливалася". Однако я с уверенностью могу сказать, что никогда и ни при каких обстоятельствах писатель, который вот уже 30 лет тянет эту трудную ношу, не позволил себе не только хвалиться этим, но даже просто упомянуть об этой колоссальной милосердной работе.

Ваша газета пишет: "Мы на протяжении многих лет считали "живого классика" (качества принадлежат автору статьи "МК") борцом с тоталитарной властью. Ошибались".

Я не знаю, какие "мы" имеются в виду, скажу лишь, что многие люди и в России, и на Западе высоко оценивают писательский талант Александра Солженицына и его роль в крушении коммунизма. Разумеется, какие-то его высказывания или мнения могут вызывать (и вызывают) споры и несогласие и здесь. Но ведь это абсолютно нормально для демократического государства — спорить, не соглашаться, убеждать. А появление статьи, подобной той, что была опубликована у Вас, просто унижает Ваших читателей.

P.S. Прошу Вас сообщить мне, будет ли опубликовано мое письмо и когда именно. Если нет, то я опубликую его в другом месте, разумеется, упомянув, что первоначально оно было предназначено именно Вам.

Арина Гинзбург, Париж.

Из аналогичных "аргументов" состоит и письмо г-жи Гинзбург. Собственно, аргумент один: созданный Солженицыным Фонд помогает политзаключенным в СССР. Действительно, об этом Фонде я не писал. Может быть, и стоило, каюсь. Но писал-то я совсем о другом.

В нескольких моих статьях, посвященных двухтомнику Солженицына "200 лет вместе", речь шла о том, что А.И. фальсифицирует отечественную историю, подгоняя ее под свою сверхзадачу. Сверхзадача же Солженицына — убедить читателей, будто за 200 лет существования в одном государстве злоказненные евреи до 1917 года спасали несчастный русский народ, а после революции, непомерно участвуя в карательных органах, — уничтожали его физически. Ну и кроме того: во время обеих мировых войн российские евреи прятались в тылу, поскольку в армии служить не хотели, испоганили русскую и советскую культуру... И далее, по полной программе.

Если все это — не ксенофобия, то я чего-то не понимаю.

По-моему, мне, "образованцу", все-таки удалось уличить "живого классика" в откровенной лжи, подтасовках и передергиваниях. Не случайно "сам" А.И. расщедрился на ответ, опубликованный разом в двух российских газетах. Правда, ответ (опять же) был совсем о другом: о том, как его, Солженицына, всю жизнь преследовал КГБ, и что тваря эта продолжается по сей день — с помощью таких журналистов, как Дейч.

Парижское письмо г-жи Гинзбург — из той же серии. Она недоумевает, почему это ошиблись те, кто считал А.И. "борцом с тоталитарной властью". Между тем эту фразу г-жа Гинзбург, следуя апробированной манере "специалистов" из агитпропа, выдергивает из контекста: "Единственный человек той поры, — написано в моей статье, — заслуживший одобрительные слова Солженицына, — солдат-генерал Корнилов". Тот самый, что в августе 17-го года намеревался установить в России военную диктатуру". Потому-то и ошибались, что борец с тоталитарным режимом и поклонник диктатуры, да еще военной, — вести несомненные. А "мы" — это мы. Читатели. Не все, конечно, но многие.

Что же касается "скромности" Солженицына, вот что пишет об этом писатель Владимир Войнович:

"Его (Солженицына, — М.Д.) непомерная любовь к самому себе застывает ему глаза, он смотрит в увеличительное стекло и видит не себя, а какого-то былинного или библейского богатыря. Он не знает себя сегодняшнего и не помнит себя вчерашнего. Когда-то он сказал, что в глазах многих людей стал уже не человеком, а географическим понятием. Понятием, равным России. Тема "Я и Россия" — сквозная в его творчестве. За Россию он всегдаший болельщик, и она в разлуке с ним долго пребывать не может. Родственников где-то в Ставрополье проводил (в сопровождении телевизионщиков), выпил с ними по рюмке и — дальше. На просьбу родственницы: "Погостили бы еще" — без юмора отвечает: "Некогда. Россия ждет". Слава и всеобщее восхваление вскружили ему голову. Его превозносили на всех уг-

лах, как никого другого писателя в истории человечества. Но ему и этого показалось мало. Он о себе еще более высокого мнения. Ему кажется вся его жизнь почти сплошь безупречной, полной великих художественных достижений и героических деяний. Меня и раньше ко-робило, но главного впечатления не заслоняло, когда он свои романы сравнивал с ослепительным светом, бьющим в глаза, когда увержал, что его рукой (вовсе не метафорически, а буквально) управляет напрямую Всевышний".

Мнение Войновича — не единственное. Похожие суждения можно найти у писателей Льва Копелева, Александра Рекемчука и у других. Может быть, имело бы смысл к ним прислушаться? Но г-жа Гинзбург, вольно или невольно (скорее — вольно), лет подспященную водичку на ту же мельницу непомерной любви "живого классика" к самому себе, сравнивая его с Львом Толстым. Причем сравнение это — явно не в пользу автора "Войны и мира".

В заключение — несколько слов о солженицынском Фонде, на который так упирает г-жа Гинзбург. Действительно: прекрасное и благое дело. Но и тут не все так гладко, как нам сообщают об этом из Парижа.

Я дружил с многолетним узником ГУЛАГа и советских тюремных психушек Владимиром Гершуни. Вся его вина перед советской властью заключалась в том, что он был внука племянника Григория Гершуни — одного из создателей партии эсеров, непримиримого противника большевиков. Выходя на свободу, Володя страшно бедствовал, но ни разу не принял помощи от Фонда, хотя имел на нее, может быть, несколько больше прав, чем другие. Дело в том, что именно Гершуни поведал Солженицыну о многих лагерных судбах, использованных потом А.И. в его "Архипелаге". И даже название одной из глав — "Истребительные-трудовые" — придумал Владимир Гершуни.

Он рассказывал мне, что отказывался (и неоднократно) от помощи Фонда по двум причинам. Во-первых, в знак солидарности с Варламом Шаламовым. Просидевший в сталинских лагерях четверть века, написавший об этих годах прекрасную и страшную книгу "Колымские рассказы" (она увидела свет — конечно, на Западе — значительно раньше "Архипелага"), больной и одинокий Шаламов умер в доме для престарелых без всякой помощи. А все из-за того, что в своих воспоминаниях позволил себе толику иронии в адрес "живого классика". "Классик" оказался злопамятным: благоденствие Фонда на Шаламова не распространялось.

Такого отношения к бывшему зэку Гершуни простить "Исаину" не мог. И не простили.

Вторая причина, по словам Гершуни, заключалась в том, что "в обмен" на денежную помощь Фонда от Володи требовалось признание всевозможных заслуг "благодетеля". Признания не последовало. Владимир Гершуни умер несколько лет назад в ужасающей нищете.

P.S. Настоящим сообщаю г-же Гинзбург о том, что ее письмо опубликовано — с сохранением всех славословий в адрес нобелевского лауреата.

Марк Дейч, Москва.

